

Преподавательская деятельность не противоречит моим научным занятиям

Известно, что педагогическая и научная деятельность сильно различаются и требуют от человека совершенно разных умений и личных качеств. Данное интервью открывает рубрику, посвященную преподавателям ГУ-ВШЭ, РГГУ и МГУ. Мы начнем с рассказа об Александре Владиславовиче Михайловском — доценте кафедры истории философии ГУ-ВШЭ.

Александр Владиславович Михайловский,
кандидат философских наук, доцент
кафедры истории философии ГУ-ВШЭ

Известно, что педагогическая и научная деятельность сильно различаются и требуют от человека совершенно разных умений и личных качеств. Данное интервью открывает рубрику, посвященную преподавателям ГУ-ВШЭ, РГГУ и МГУ. Мы начнем с рассказа об Александре Владиславовиче Михайловском — доценте кафедры истории философии ГУ-ВШЭ.

Александр Владиславович в 1998 году окончил факультет философии Российского государственного гуманитарного университета; в 2002 году ему была присвоена ученая степень кандидата философских наук. Также с 1998 года он является сотрудником Центра феноменологической философии РГГУ, входит в состав редколлегии нескольких периодических изданий.

Михайловский активно занимается переводческой деятельностью: он перевел и снабдил комментариями тексты Э. Юнгера, св. Василия Великого, В. Дильтея, М. Вебера и других авторов. Им написано большое число статей и рецензий на русском, английском и немецком языках, основная тематика которых политическая философия, проблемы консервативной революции, философия техники и др.

Александр Владиславович читает курсы истории античной философии. Его авторские курсы посвящены изучению отдельных произведений Платона, Плотина, а также отдельному направлению современной философии — философской герменевтике.

К: *Здравствуйте, Александр Владиславович. Спасибо за то, что смогли уделить нам время. В первую очередь мы хотели бы*

узнать о Вашей преподавательской деятельности, поэтому вопросы весьма специфические, даже не совсем связанные с философией. Помните ли вы, с чего для вас началась работа в университете?

А.М.: Я хотел бы сказать большое спасибо журналу за приглашение. Вообще название первого номера применительно к преподавателю звучит сомнительно. Когда студенты интервьюируют преподавателя для журнала, темой которого явля-

Когда студенты интервьюируют преподавателя для журнала, темой которого является насилие, возникает вопрос – это насилие кого над кем?

ется насилие, возникает вопрос — это насилие кого над кем? До революции 1968 года во Франции говорили, что студенты были рабами профессоров, а после революции рабами стали и те и другие. Это то, что касается вопроса о насилии.

Что же касается вашего вопроса, надо сказать, что я никогда не мыслил свою деятельность в отрыве от преподавательской работы. Для меня с самого начала, где-то с третьего курса университета, было ясно, что, во-первых, я буду заниматься философией, и что, во-вторых, мои занятия философией также будут связаны с языками, с преподаванием языков и интерпретацией текстов. Еще со времен учебы в университете я склонялся к герменевтической и историко-философской работе. А преподавать я начал достаточно рано — уже на первом курсе аспирантуры все должны были проходить обязательную педагогическую практику, и мне предложили прочесть авторский курс лекций в РГГУ. Это был настоящий авторский курс лекций, посвященный социальной теории национализма. Со студентами третьего курса философского факультета мы разбирали тексты Руссо, Фихте, рассматривали эволюцию национальной идеи или идеи нации в рамках политической истории Германии, Франции, Восточной Европы, а также российские концепции нации конца XIX начала XX века.

Потом у меня был опыт стажировки в Германии, в Тюбингенском университете, по приглашению профессора Гюнтера Фигаля, у которого я консультировался на тему моей диссертации, посвященной Хайдеггеру и Юнгеру. И поскольку Гюнтер Фигаль учился у Ганса-Георга Гадамера¹, то следующий курс, который я предложил по возвращении в Москву был посвящен «Истине и методу» Гадамера.

Я должен заметить здесь, что мне с самого начала было интересно и увлекательно преподавать. И я никогда не воспринимал преподавательскую деятельность как противореча-

¹ Ганс-Георг Гадамер (1900-2002) – немецкий философ, один из основоположников философской герменевтики.

щую моим научным занятиям, и наоборот. Хотя многие мои коллеги, особенно те, кто долгое время проработали в Институте философии, где нет педагогической нагрузки, поначалу воспринимают преподавательскую работу как большое бремя, однако потом всегда с радостью занимаются ей.

К: Существуют ли какие-то причины, обуславливающие такое специфическое отношение к преподавательской практике, или же оно зависит только от индивидуальных предпочтений?

А.М.: Я думаю, что, всякий раз, конечно, это индивидуально, равно как и выбор: оставаться человеку в науке или уходить. Но я опять-таки хочу сказать, что преподавание является естественной частью идеи университета, важной его составляющей — совмещение образования и научной работы. Как известно, эта теория двести лет назад была сформулирована Вильгельмом Гумбольдтом. Принцип совмещения *Wissenschaft* и *Lehre* (науки и преподавания) является краеугольным камнем всей академической сферы.

Многие вузовские преподаватели не могут заниматься научными исследованиями, обслуживая учебные планы своего университета. С другой стороны, у нас есть научные сотрудники институтов, которые неспособны к преподавательской деятельности и не имеют к этому никакого интереса.

Однако в советское время существовало разделение между Академией Наук и ВУЗами. И мы получили в итоге достаточно противоречивую ситуацию. С одной стороны, многие вузовские преподаватели не могут заниматься научными исследованиями, обслуживая учебные планы своего университета. С другой стороны, у нас есть научные сотрудники институтов Академии Наук, которые неспособны к преподавательской деятельности и не имеют к этому никакого интереса. Я надеюсь, что этот разрыв сейчас преодолевается. То, что было естественным для высшего образования XIX века, для тех же русских университетов, сейчас возвращается. Мы знаем в области философии блестящих преподавателей — Сергея Николаевича Трубецкого², например, который заботился о культурном воспитании своих подопечных, был настоящим лидером студенчества и в то же время настоящим исследователем. Я считаю, что для современных российских преподавателей фигура С. Н. Трубецкого может быть примером для подражания.

² Трубецкой С.Н. (1862-1905) – русский религиозный философ, публицист, общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета. Трубецкой активно участвовал в академической жизни, защищая автономию университета. В 1905 г. он, несмотря на молодые годы, был избран ректором Московского университета.

К: *Насколько вообще сейчас возможно претворить в жизнь гумбольдтовскую идею о совмещении учения и преподавания? Ведь русский университет — это не университет, в основе которого лежит эта модель.*

А.М.: Понятно, что эта модель не единственная, она претерпела изменения. И русский университет не полностью основан на этой модели. Но я считаю, что та тенденция, тот путь, по которому идет ГУ-ВШЭ, желая стать исследовательским университетом, в любом случае способствует преодолению обозначенного разрыва. Это вовсе не должно означать восстановления гумбольдтовской модели, но это означает преодоление пропасти между образованием и исследованием.

К: *В связи с этим хотелось бы тогда спросить, есть ли у вас какой-либо собственный метод преподавания и как он меняется с течением времени?*

А.М.: Я должен сказать, что я учился у своих учителей. В этом смысле у меня никакого отрефлектированного метода нет. Я считаю, что образование как раз очень органичный процесс, как и воспитание в целом. И образование не всегда предполагает вербализацию правил. Поэтому я должен сослаться на своих учителей, которых по-настоящему ценю и которые дали мне то, что я могу сейчас предъявить студен-

Считаю, что образование очень органичный процесс, как и воспитание в целом. И образование не всегда предполагает вербализацию правил.

³ Бибихин В. В. (1938-2004) — русский философ, переводчик философской классики, переводчик М. Хайдеггера. Учился у А. Ф. Лосева, был его литературным секретарем.

там и передать дальше. В первую очередь хочу назвать Владимира Вениаминовича Бибихина³, чьи лекции я слушал в МГУ с 1994 года. Блестящий лектор, он умел увлекать аудиторию; ты мог руками пощупать мысль, которая рождалась во время лекций, и лишь догадываться о существовании некоего незримого плана, который безусловно был. Его лекции были очень яркими. Потом, конечно, лекции Анатолия Валерьяновича Ахутина⁴. Одно из моих первых ярких воспоминаний как студента — это его курс лекций, посвященный «Органону» Аристотеля в РГГУ. Ахутин показал нам, как можно прояснять мысль через работу с оригинальным текстом философа.

⁴ Ахутин А. В. (1940) — ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ. Академик РАЕН. Член редколлегии ежегодника «Архэ» (РГГУ), член редколлегии журнала «Точки. Puncta». Специалист в области философской истории науки, истории философии, культурологии. Читает курсы лекций «Истоки античной философии», «Чтение Аристотеля».

Я помню очень хорошо лекции Татьяны Вадимовны Васильевой: она читала нам курс истории античной философии и литературы. И, наконец, назову своего научного руководителя — Виктора Игоревича Молчанова, который отличался систематичностью изложения и умением дифференцировать понятия и проводить различия. Он показал, насколько важно для исследователя и преподавателя находить метаязык для изложения темы, которую ты разбираешь.

К: *Давайте тогда от преподавателей перейдем как раз к слушателям. Можно ли заметить какие-то изменения, происходящие со студенческой аудиторией?*

В студенческой аудитории всегда есть примерно десять процентов тех, кому действительно интересно то, что происходит в течение лекции, и кто, возможно, станет твоим будущим коллегой.

А.М.: Я для себя понял некую закономерность: в студенческой аудитории всегда есть примерно десять процентов тех, кому действительно интересно то, что происходит в течение лекции, и кто, возможно, станет твоим будущим коллегой. Из года в год ситуация не меняется. Хотя преподаватели часто говорят, мол, этот курс похуже, тот получше, а раньше вообще все было куда замечательней — студенты знали больше и были более мотивированы, сейчас же все серые и неяркие. В этом смысле я хочу провести аналогию... с вином. Вино можно разбавлять в большей или меньшей пропорции, однако субстанция все же останется. Для меня это вино — те самые десять процентов слушателей, которые мотивированы, которые умеют задавать вопросы. Они готовы принять пас, от них можно дожидаться ответа, инициативы, они рады самостоятельной работе. И это вино можно разбавлять в разной пропорции. Зависит это от самых разных факторов: от текущего состояния среднего образования, от демографических ям и кризисов, но все это случайно и является привходящим фактором. Но мое наблюдение таково, что это вино, от которого весело, интересно и хочется жить дальше, всегда присутствует в аудитории.

К: *Можно ли сказать о том, что преподавание может быть сведено к воспитанию? В современном обществе принято считать школу местом воспитания будущих студентов вузов, а университет рассматривается в той или иной степени как кузница*

академических кадров. Как вы считаете, важна ли для преподавателя именно воспитательная составляющая его деятельности?

А.М.: Я бы не стал в данном контексте проводить четкое различие воспитания и образования, а предложил бы использовать слово, которое всем хорошо знакомо, а именно слово пайдейя. Это слово можно переводить одновременно и как воспитание, и как образование. Но все же, оно ближе к образованию, говоря по-немецки, Bildung. Мне кажется неправильной и опасной тенденция современного образова-

Важно сохранить в университетском образовании его собственно образовательную составляющую. Речь здесь идет о формировании человека, о формировании человеческого в человеке, о том, что древние также называли словом *humanitas*.

ния, состоящая в сведении задач университета к формированию у студентов навыков или компетенций, которые делают их приспособленными к нуждам рынка. Мне кажется, это скорее случайный момент. Запросы рынка меняются, и невозможно всякий раз перекраивать учебный план и перековывать мечи на орала. Важно сохранить в университетском образовании, я подчеркиваю слово университетское, его собственно образовательную составляющую. Речь здесь идет о формировании человека, о формировании человеческого в человеке, о том, что древние также называли словом *humanitas*. В этом смысле образование отличается от информированности, от обладания набором компетенций и навыков. И мне хотелось бы процитировать Ганса-Георга Гадамера, который в одном интервью на вопрос о том, что такое образование, ответил: «Образование — это способность воспроизвести мысль другого человека». Это не обладание некоторым количеством информации, а овладение искусством, связанным с логосом, с речью, с умением понимать и выражать свою мысль. В конце концов, с помощью этого искусства и можно приобрести ту самую искомую гибкость, приспособленность. Человек, выпускник, усвоивший основные элементы образования, *humanitas*, который умеет владеть логосом, найдет для себя место в этой меняющейся жизни. И опыт показывает, что, например, лучшие журналисты, способные ярко и точно писать на экономические, политические и культурные сюжеты — это не выпускники факультета журналистики, а, как правило, выпускники философского факультета. И это только один пример.

К: Как различается Ваше отношение к общеуниверситетским курсам, которые приходится читать, и авторским проектам?

А.М.: Я бы сказал, различие здесь может быть только в степени приближения к материалу. Даже курс Истории античной философии — это курс во многих отношениях авторский, потому что каждый, кто его читает, понимает для себя, что его невозможно дать по какому-либо одному учебнику. Потому что у нас с историей античной философии ситуация такова, что учебника подобного, скажем, кембриджскому, просто не существует. И всякий преподаватель, который хочет делать свою работу на сколько-нибудь пристойном уровне, вынужден осуществлять огромную подготовительную работу, привлекая в том числе исследовательскую литературу на иностранных языках. Ancient studies находятся в процессе активного роста, антиковедение — одна из самых бурно развивающихся дисциплин. В новейшей истории философии есть масса имен — достаточно назвать Джона Риста,⁵ Джона Диллона⁶ или Пьера Адо⁷ — не учитывая исследований которых, сейчас невозможно построить хороший историко-философский курс.

Конечно, если я параллельно с курсом истории античной философии читаю курс, посвященный «Эннеадам» Плотина, то там будет другая степень приближения. Это работа будет более микроскопической по своей сути. Я считаю принципиально важным, чтобы преподаватель (прежде всего, это касается преподавателей истории философии) брал в качестве предмета своих лекций какой-то отдельный труд и досконально его разбирал в контексте эпохи, пытался устанавливать взаимовлияния, особенности словоупотребления и так далее, то есть работал с текстом герменевтически. Например, в Германии (а опыт университетского преподавания в этой стране мне очень близок) частью обычной практики является то, что доцент или профессор объявляет так называемый Oberseminar, посвященный отдельному произведению, читая при этом параллельно общий курс. Я считаю это чрезвычайно полезным; причем темы могут быть самые разные: «Критика чистого разума», «Бытие и время», «Бытие и ничто», «Толкование сновидений». Я же выбрал для своего спецкурса «Эннеады» Плотина.

Также мне кажется важным для преподавателя стремиться как можно чаще обновлять курсы лекций. Правда, наша система образования, наши учебные планы этому серьезно мешают, подталкивая преподавателя к рутине. Я считаю, что эта рутинная для университетского преподавателя — опас-

⁵ Джон М. Рист — известный английский историк, специализируется на античной философии.

⁶ Джон Диллон — известный специалист по философии античности из Дублинского университета.

⁷ Пьер Адо — французский историк философии, профессор кафедры истории эллинистической и римской мысли Коллеж де Франс.

ный враг. В американских и европейских университетах существует негласная норма, согласно которой преподаватель должен если не каждый семестр, то хотя бы раз в два года предлагать новый курс лекций. К примеру, уже упомянутый В. В. Биbihин читал лекции в МГУ с 1989 по 2002 год и, насколько я помню, не повторялся ни разу. То есть, он прочел около двадцати курсов. И это очень высокая планка.

К: *Могли бы Вы рассказать о тех курсах, которые вы читаете в этом году?*

А.М.: Я упомянул, что читаю общий для всех студентов философского факультета курс истории античной философии. Также, наряду со спецкурсом по «Эннеадам», я веду научный семинар в магистратуре по двум диалогам Платона «Софист» и «Парменид». И в магистратуре же читаю один из тематических разделов курса по проблемам современной философии, связанный с философской герменевтикой. Отдельно хотел бы сказать о совершенно новом курсе, который мы вместе с Ириной Владимировной Макаровой читаем на факультете математики, — это лекции и семинары по истории античной философии. Философскому факультету в конце прошлого года было сделано совершенно необычное предложение. Оно состояло в том, чтобы подготовить чисто гуманитарный курс философии для математиков. Взгляд наших новых студентов на философские проблемы своеобразен. Так, в частности, апории Зенона, они по понятным причинам рассматривают совершенно иначе, нежели историки философии. И мне кажется, что это лишь подтверждает мои слова о важности университетского образования, о *humanitas* в рамках университета. И чем больше будет таких инициатив, тем лучше. Ко всему прочему это интересный опыт и настоящий вызов для самих преподавателей.

К: *Вы говорили, что человек, получающий университетское образование, обретает не только набор каких-то компетенций, а фактически может реализовать в любом виде деятельности. Насколько вы считаете перспективным и полезным обращение к преподавательской и академической деятельности выпускников ВУЗов?*

А.М.: Я понимаю, чем продиктован Ваш вопрос. Сразу скажу, что хлеб это непростой. Другое дело, что ГУ-ВШЭ дает возможность преподавателям, и в том числе молодым, работать только в одном месте, не бегая по разным университетам. Это большой плюс, позволяющий сконцентрироваться

на той работе, которую ты делаешь. Вообще же и преподаватель, и университет, заинтересованы в «воспроизведении кадров». Сейчас возникла чудовищная проблема разрыва между преподавателями старшего и младшего поколения. Этот разрыв неслучаен; причины его объективны (я имею в виду экономическую ситуацию 90-х годов, когда преподавателю практически невозможно было зарабатывать на жизнь своей профессией). Сложившаяся ситуация грозит привести к серьезными последствиями для высшего образования в ближайшие годы, поскольку среднего звена — людей, которые находятся в расцвете своих творческих и физических сил, достигших акме — сейчас нет. Они работают в сфере бизнеса, книгоиздания, журналистики или где-то еще. Премстственность в высшем образовании в плане педагогических кадров очень важна. Конечно, работа в университете — это выбор для немногих. Но те, кто его делает ответственно, могут рассчитывать на самые радужные перспективы. Если мы говорим в чисто экономических терминах о кризисе, то надо понимать, что образование, помимо того, что оно увлекательно, является в то же время весьма консервативной сферой общественной жизни. И это та сфера, которой кризис, если он будет продолжаться и развиваться, коснется в самую последнюю очередь. Потерять работу, будучи преподавателем, практически невозможно, тем более что сейчас создается все больше бюджетных мест в университетах. С другой стороны, преподаватель — и, в особенности, преподаватель философии, достаточно свободен и суверенен. Его плюс состоит в том, что перед глазами всегда есть пример Сократа, который ходил по рынку в Афинах и радовался тому, что существует столько вещей, от которых он так легко может отказаться. Любой выбор профессии всегда связан с риском. Но я уверен, что работа в сфере высшего образования станет правильным выбором. 📌

Текст подготовили Арсений Куманьков,
Роман Гуляев.